

КАЗИМЕРАС ГАРШВА, ОЛЕГ ПОЛЯКОВ

ЛИТОВСКИЙ ГОВОР В ОКРУГЕ ОПСЫ

Одним из малоисследованных говоров литовского языка является Опсовский диалект (Браславский р-н Витебской обл. БССР). В административном отношении округа (окрестности) поселка Опсы в основном входит в состав трех сельских советов: Опсовского, Зареченского и Далекского. Впервые этот говор вильнюсцев изучался проф. Зинкявичюсом в 1952 г. и научными сотрудниками Института литовского языка и литературы АН ЛитССР в 1956 и 1958 гг. (см.: Grinaveckienė 1960, 173–191 и статью К. Моркунаса в настоящем сборнике). Много диалектных текстов записано во время фольклорной экспедиции Института литовского языка и литературы в 1972 г. (руководитель д-р филол. наук Л. Саука). Летом 1985–1987 гг. нами была продолжена эта работа: изучена сильно изменившаяся за 30 лет лингвистическая ситуация, записаны диалектные тексты и образцы песен почти из всех деревень, в которых сохранились лица (преимущественно старшего возраста), владеющие литовским языком.

Особое географическое положение и историческое прошлое несколько выделяют этот говор среди многих других островных литовских говоров современной территории Белоруссии, Латвии и Польши. Эти обстоятельства в определенной степени и повлияли на его формирование и функционирование. Территория, на которой он находится, к западу и юго-западу примыкает к Литве, к северо-западу — к Латвии, а с других сторон — к Белоруссии.

I. ИСТОРИЧЕСКАЯ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ДИАЛЕКТА

1. Лингвистическая ситуация до 1939 г.

Окрестности Браслава издавна были заселены литовцами. Около 150 лет (XI — середина XII в.) Браслав принадлежал Полоцким князьям, вторгшимся на литовскую территорию. Затем на 6 веков (до 1794 г.) Браслав и окрестности в административном отношении перешли в состав Великого княжества Литовского. Энергичная литовская экспансия на восток в XIII–XVI вв. сдержала начавшийся процесс славянизации этих территорий; на севере литовцы проживали по обеим сторонам реки Даугавы (окрестности Даугавпилса, Краславы, Дриссы), на востоке долгое время достигали линии Иказнь — Иоды

(ср.: *Lietuvių etnogenezė* 1987, 219 — 220 и т. д.). В 1596 г. был построен католический костел в Иказне (15 км на восток от Браслава); его основатель Л. Сапега велел иметь ксендза, владеющего литовским языком, так как простые люди в данном приходе говорили по-литовски. Еще в конце XIX в. здешний ксендз Буйвидас среди литовскоязычного населения распространял официально запрещенную литовскую печать.

До середины XIX — начала XX в. о какой-либо изолированности Опсовского диалекта вряд ли можно говорить, поскольку зона литовско-белорусского этнического и языкового пограничья с преобладанием литовского населения проходила восточнее и севернее Опсы. Поэтому по мирному договору между РСФСР и Литвой от 12.07.1920 г. эта территория была передана Литве.

В то время граница (по данному договору) проходила от самой восточной точки нынешней границы ЛитССР близ Козян (БССР) к северо-востоку до восточной части озера Дрисвяты и далее до реки Даугавы (Западной Двины) несколько западнее г. Друи. Однако с октября 1920 и до сентября 1939 г. данный район, как и весь Вильнюсский край, был оккупирован панской Польшей. В результате литовское население оказалось оторванным от материковой его части, а говор данного населения стал развиваться в условиях изоляции и иноязычного окружения, которое еще увеличилось после его включения в состав БССР в 1939 г. Лишь тогда совершился массовый переход литовскоязычного населения литовской национальности на белорусский, а также польский, русский языки (под влиянием школы, средств массовой информации и т. п.). Данный процесс языковой и национальной ассимиляции подготовлялся в основном с середины XIX в. (особенно после разгрома восстания 1863 г.), когда под сильным давлением польских священников и царской администрации от родного языка отказались жители окрестностей Бельмонта, Плюссов, Видз, Дрисвят (ср.: *Viltis* 1911, № 17; 1913, № 12; *Žiogas* 1909, 19 и т. д.).

В начале XX в. в Браславском приходе по-литовски говорило еще около 2000 лиц, в Видзском — около 2000 (1022 проживали в городе); в Опсовском приходе было 2/3 литовскоязычного населения, в Пелеканском — 1/3 (ср.: *Viltis* 1908, № 134 и 144; 1909, № 16; 1912, № 97; 1913, № 117 и т. д.). Кроме того, в конце XIX в. обосновались литовские колонии в окрестностях Германовичей (около 600 литовцев), Дисны (300 литовцев), а в небольшом количестве и около Браслава — Опсы (деревни Груодишке, Мариямполь, Купчели). Германовичские литовцы были родом, по-видимому, из Укмергской округи¹, дисненские — из Меркинской (*Viltis* 1909, № 7, 80), некоторые браславские — из Даугелишкской. По сравнению с 1908 г., в бывших литовскоязычных деревнях Браславского р-на число хозяйств (домов) в настоящее время уменьшилось незначительно, однако численность жителей в них сократилось примерно с 10 до 3 (см. табл. 1).

¹ Житель дер. Белый Двор Германовичского с/с Зигмунт Потапович, родившийся в 1889 г., 25.05.1985 г. нам писал: „Я знаю литовский язык. Наш отец из Литвы, из дер. Петрашуны“.

Насильственная полонизация велась польскими священниками. Напр., в 1860 г. ксендз Черниcki в Дрисвятах не слушал исповеди литовцев на их родном литовском языке (Žiogas 1909, 19); даже в Пелеканцах местное население исповедь начинало и заканчивало на польском (Viltis 1909, № 16).

На литовскоязычной территории между Браславом и Видзами до 1939 г. действовало 7 католических костелов (в настоящее время — только костел в Браславе). После перевода этих костелов в 1846 г. из состава Вильнюсского епископства в Жемайтское создались более благоприятные условия для пользования родным языком. В Пелеканском костеле в 1904—1910 и 1928—1936 гг. каждое третье воскресенье богослужение велось на литовском языке (евангелие читалось дольше), в Опсовском — лишь около 1932 г. читались проповеди, в Видзском — около 1912 г. читались проповеди во время храмовых праздников, в Браславском — в 1908—1911 гг. читалось евангелие на литовском языке (исповеди на литовском иногда принимались вплоть до нынешнего времени) (Viltis 1909, № 16; 1910, № 44; 1911, № 117; Mūsų Vilnius 1934, № 16; 1936, № 13—14). В Урбанском, Далексом костелах литовский язык официально не употреблялся, а в Дрисвятском он вышел из употребления в 1886 г. (Žiogas 1909, 19). Права литовского языка больше всего защищали пелеканский ксендз А. Жеймис-Жеймавичюс (1854—1909) и браславский ксендз Армалис, организовавшие там и литовские школы.

В Пелеканцах литовская школа непрерывно действовала по крайней мере в 1905—1911 гг. Сначала она была частной, с 1909 г. официально функционировала как отдел организации „Сауле“ (в 1909 г. было 37 учеников, в 1910—60); после закрытия в 1910 г. школа тайно действовала в доме А. Абалявичюса. В 1907 г. около Браслава были 4 литовские школы: 14 марта 1908 г. судебный пристав Попов обнаружил и ликвидировал тайную школу в доме М. Багдо-навичюса в дер. Усяны (9 учеников), хотя с 1904 г. литовская печать была легализована (Viltis 1908, № 43; 1909, № 58 и 139). Во время оккупации края буржуазной Польшей литовские начальные школы сначала существовали в Заборниках (учитель А. Бубулис; в 1934/35 уч. г. родной язык преподавался лишь как предмет, было 39 учеников), Опсе (учительница М. Тункунай-те-Жямайтене), Петкунишке (учительница С. Малишкайте-Кривялене), в Пелеканцах, Оболиштах (тайно у Ю. Ванцявичюса)².

Сохранению литовского языка до сих пор в окрестностях Браслава — Опсы во многом способствовала деятельность отделения общества св. Казимераса (клерикально-культурная организация), общества „Ритас“, существовавших в 1925—1936 гг. Не менее чем в 17 деревнях (в Заборниках, Купчелях, Домашах, Милюнцах, Пабярже, Вайнюнцах, Адымянишке, Усянах и т. д.) были открыты отделения общества св. Казимераса, часто организовывавшие вечера, молодежные вечеринки, на которых делались различные сообщения (на темы о хозяйстве, искусстве, спорте и т. д.), пелись литовские песни, устраивались танцы. Данное общество способствовало открытию литовских детских

² Данные бывших учителей М. Жямайтене, С. Кривялене и др.

садов (дер. Адыменишки, Заборники, Купчели, Пелеканцы), упомянутых начальных школ, читален (Заборники, Купчели, Петкунишке, Домаши, Опса, Милюнцы, Едловичи, Адыменишки).

Таблица 1. Число хозяйств в 1908 и 1987 гг. и число жителей в некоторых бывших литовскоязычных деревнях

Название деревни		1908 г. кол-во хозяйств	1987 г.	
			кол-во хозяйств	кол-во людей
Бужаны	Bužionys	37	10	31
Вайнюнцы	Vainiūnai	33	48	148
(Г)усяны	Ūsionys	41	35	139
Едловичи	Jūodelėnai	44	61	182
Жвирбли	Žvirbliai	40	17	
Крюки	Kriukai	36	22	60
Мелюнцы	Miliūnai	60*	46	104
Оболикшты	Obuolykščiai	13	6	12
Рожево	Rožavà	35	10	33
Струсто	Strustà	24	18	34
Шалакундзи	Šalakañdžiai	14	14	32

*В данное число включена и дер. Пелеканцы.

Польские буржуазные власти препятствовали просвещению местного населения на родном языке. Проводя политику великодержавного шовинизма и полонизации, они закрыли просветительские учреждения; собрания и вечера, проводимые обществом св. Казимераса, рассматривались часто как проявление „национализма“ (участники подвергались преследованиям вплоть до судебных расправ).

С 1937 г. обучение в школах велось только на польском языке. Материальные условия не позволяли большинству учеников учиться более чем до 3–4-го класса, поэтому подавляющее большинство местного населения было малограмотным, а то и вовсе безграмотным. Литовскую грамоту мало кто знал. Часть населения в общественных местах изъяснялась преимущественно по-польски, тем более, что немалое число семей было смешанным (литовцы и ополячившиеся литовцы). Домашним языком в литовских семьях оставался литовский. На литовском языке общались также в костелах, на рынках и ярмарках. Молодежь все чаще переходила на польский язык, который в значительной степени был смешан с местным белорусским, и в 1935–1939 гг. общались преимущественно на нем. Но с родителями и старшими по возрасту по-прежнему общение велось на родном языке. Таким образом возникла социальная дифференциация двух языков: польский воспринимался как язык, имеющий общественный престиж (употребляемый „высшими слоями населения, ксен-

дзами), а литовский оставался в основном домашним языком простого населения (преимущественно старшего возраста). Поэтому распространение родного языка в данном районе значительно сузилось и количество его носителей резко уменьшилось. Если в 1908 г. литовскоязычного населения было около 8000 человек, то в 1928 г. — 2600.

На основе „Mapy obszaru językowego litewskiego w Rzeczypospolitej Polskiej“ (Warszawa, 1928—1933), составленной О. Хоминьским, подготовлена карта распространения литовского языка по деревням данной округи³. На карте обозначены крупнейшие деревни исследуемого района и в процентном отношении — количество носителей литовского языка среди жителей этих населенных пунктов в 1928—1933 гг.

2. Современная лингвистическая ситуация

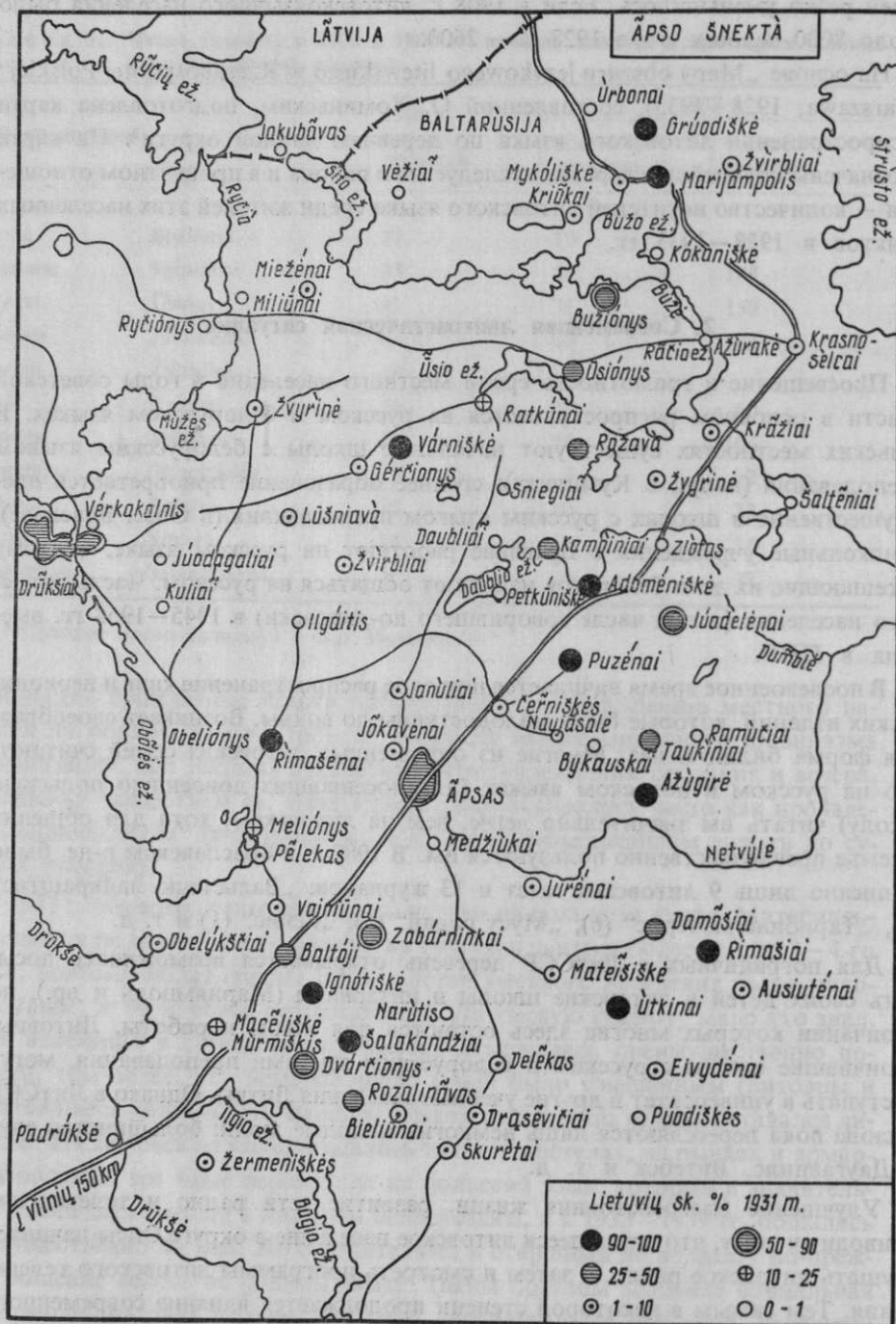
Просвещение и грамотность среди местного населения в годы советской власти в основном распространяется на русском и белорусском языках. В сельских местностях существуют начальные школы с белорусским языком преподавания (напр., в Кумпинях); среднее образование приобретает преимущественно в школах с русским языком преподавания (в Опсе, Браславе). Дошкольные учреждения в Браславе работают на русском языке, поэтому посещающие их дети белорусов начинают общаться на русском. Часть польского населения (в том числе говорившего по-литовски) в 1945—1958 гг. выехала в ПНР.

В послевоенное время начинается широкое распространение книг и периодических изданий, которые были малодоступны до войны. Возникает своеобразная форма билингвизма. Многие из опрошенных литовских семей считают, что на русском и польском языках (для посещавших довоенную польскую школу) читать им значительно легче, чем на литовском, хотя для общения в семье преимущественно пользуются им. В 1987 г. в Браславском р-не было выписано лишь 9 литовских газет и 13 журналов: „Вальстечю лайкраштіс“ (9), „Тарибине мотеріс“ (6), „Мусу содай“ (5), „Генис“ (1) и т. д.

Для пограничных с ЛитССР деревень открывается возможность посылать своих детей в литовские школы и интернаты (Мариямполь и др.), по окончании которых многие здесь остаются для учебы и работы. Литовцы, окончившие школы с русским и белорусским языками преподавания, могут поступать в университет и другие учебные заведения Литвы. Однако в ЛитССР отсюда пока переселяются лишь немногие молодые люди: большинство едут в Даугавпилс, Витебск и т. д.

Улучшение благосостояния жизни, развитие сети радио и телевидения приводит к тому, что оставшееся литовское население в округе Опсы начинает слушать литовское радио, а затем и смотреть программы литовского телевидения. Тем самым в некоторой степени продолжается влияние современного

³ Основной вариант карты подготовил географ Т. Шидишкис.

литовского литературного языка (оно поддерживается литовской печатью, в некоторых случаях — общением с живущими в Литве детьми и т. д.).

Согласно Всесоюзной переписи населения 1970 г., во всем Браславском р-не проживало 202 литовца, в 1979 г. — только 137: 63 (46 %) из них родным считали язык своей национальности, 50 — белорусский, 24 — русский. Среди них 41 (30 %) свободно владел русским языком как вторым, 35 (26%) — белорусским, 33 (24 %) — литовским, а 28 лиц (20 %) были одноязычными. В сельских местностях в 1979 г. зафиксировано 47 лиц других национальностей, считавших литовский язык родным, и 57 лиц, владевших им как вторым языком народов СССР (из них „польской“ национальности — 26 лиц, литовской — 17, белорусской — 12, русской — 2 и татарской — 1). Таким образом, в 1979 г. в районе записано 200 лиц, свободно владевших литовским языком (90 лиц им владели как вторым языком).

Во время фольклорной экспедиции 1972 г. (3 — 16 июля) и наших экспедиций в 1985 — 1987 гг. только в сельских местностях Опсовской округи по фамилиям и возрасту записано не менее 150 человек старшего возраста, владевших в той или иной степени литовским языком. В 1987 г. больше всего таких людей было в Дварчинях (20)⁴, в Адыменишках (15), в Заборниках (12), в Усянях (10), в Консталине (Погоще), Мисянцах, Шалакундзях, Петкунишке, Едловичах, Купчелях, Науясале (примерно по 5), Домашах, Римашах (по 3) и т. д. В остальных деревнях их осталось еще меньше: умерли (напр., в 1972 — 1985 гг. в Биковских — 7), переселились в другие местности (в том числе в Польшу, в Литву; после переселения и сноса дер. Игнатишке ее жители переехали в дер. Мурмишки и т. д., где раньше было 6 литовцев), а их дети литовскому языку не научились. В 1928 — 1933 гг. в названных деревнях литовскоязычное население составляло 26 — 50 % (Усяны, Домаши, а также Браслав, Рожово, Опса и др.) и чаще всего — 51 — 90 %.

После „восстановления“ советской власти в 1939 г. многие местные жители считали, что эта территория (до реки Друйки) отойдет к Литве, и записали в паспорт литовскую национальность. Когда этого не произошло (помешала вторая мировая война), вновь поменяли паспорта, записавшись поляками или белорусами. Как указывает бывшая учительница М. Жямайтене, „многие сегодня могут быть литовцами, завтра — поляками“. Причины выбора польской национальности указываются следующие: католическая вера (многие ксендзы, шляхта литовский язык называла поганским и запрещали на нем говорить); привилегии для поляков в зоне, оккупированной буржуазной Польшей; посещение казенной школы с польским языком преподавания; террор польских националистов и „армии краёвой“ по отношению к литовцам; адаптация в окружающей языковой среде („быть как все“); некоторые привилегии во время службы в армии (в первые годы советской власти); возможность выехать в Польшу и т. д. На территории БССР местные органы власти отдают предпочтение белорусской национальности.

⁴ В 1956 г. их было 48 (Vyšniauskaitė 1956, 26 — 28).

Многие местные „поляки“ и „белорусы“ хорошо помнят, что все старшие говорили по-литовски: „бацки наши и дядки были ліцьвякі, а мы — бяларусы“. Старшее поколение населения в Домашах, Римашах, Медынке и многих других деревнях до сих пор сохранило память о своем литовском происхождении. Напр., и М. Я. Гринблату (1959, 530) старики в этих деревнях неоднократно заявляли: „мы урадзоныя ліцьвякі“ (в действительности они тогда сами говорили по-литовски). Местные жители среднего и особенно молодого возраста очень часто свидетельствуют, что их язык „бяларускі“, и тут же поправляются: „рускі“.

Носителей литовского языка местное население здесь называет „літоўцы“, „ліцьвякі“. Литовское население осознает свою национальную принадлежность и диалектное различие: „Kalba mūsų ne tokia kaip Lietuvoje, bet vis tiek lietuviška“, „mes mylim niūkti lietuviškai“, „gimtoji kalba labai brangi“. Почти все отмечают, что их говор значительно изменился: „старый свой язык забыли — нужно подумать, чтобы сказать, как тогда говорили“. Однако немалое количество диалектизмов и диалектная фонетика в местном говоре сохраняются.

Многие помнят молитвы на литовском языке, поют литовские песни. Около ста их знает Елена Кривялене из дер. Заборники. Изучая языковые особенности говора (особенно языковые и диалектные контакты), невозможно пройти и мимо песен, что отмечал еще Ф. Ф. Фортунатов (1871, 1).

II. НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА

1. Фонетика

Основные отличия от нормативного литовского литературного языка в области фонетики в опсовском говоре следующие:

1. Ударному гласному *é* часто (особенно после согласных *d, k, n, t*) соответствует *ie*, а гласному *o* — лишь несколько расширенный *o*, ср.: *pavardīē* 'pavardė', *ma.kieja.*, *daržiniēs*, *tievas*, *duktiē*, *kójas sópa*, *šitó*. Таким образом, по произношению гласного *é* опсовский говор частично совпадает с несколько более отдаленными южными (швенчёнский) и северными (уодягенский) говорами литовского языка, а по произношению гласного *o* — с северо-восточными (зарасайский, даугавпилский) и южными (швенчёнский) говорами. Реже гласный *é* произносится как *e* или *ē* (*e*), гласный *o* — как *a*: *Adam'ā-nišk'a*. „Adomėniškė“, *nuvė*, *sadėdami*, *kā-lai|kōlai*, *pamā-nija.m*, *aštuon'á-lika*, *pā-nai*, *tā-luma*⁵.

2. Как и в других восточнолитовских диалектах, в безударном положении вместо гласных *é, o* сохраняются *e, a*: *gyde.m*, *laukinemis*, *būva.*, *iš móksla*. В Домашах и некоторых других местностях иногда и в безударном положении произносится *ie* (<*ē*): *paródie*, *n'amókie*.

⁵ Наши данные не полностью подтверждают картину (*ē=e'*, *ó=o' / o'*), отраженную в „Атласе литовского языка“ (Lietuvių kalbos atlasas. V., 1982, карты № 27, 35, 37, 87 и др.).

3. Безударный *ie* произносится как *e* / *e* / *ie*, безударный *uo* — как *a* / *uo*, ср.: *ležuvys, lietuv'ā, lietúvis* / *l'etúvis* / *le.túvis, ašta.n'allk'a., Júod'alenasan, kruop'āly*.

4. Долгие безударные гласные чаще всего сокращаются примерно до полудолгих: *ma.kieja., máudi.t'a.s, (v)úndin'a*. Предударные соответствия долгих гласных с второстепенным ударением (*ið'li, sũ'nũs*), иногда и заударные гласные, следующие за слогами с гласными верхнего подъема (*slĩ'va's, n'ũ-k'a'm*), на слух воспринимаются как долгие. В лингвистической литературе безударные гласные данного диалекта обозначаются или как полудолгие (*Grinaveckienė* 1960, 174—190), или как долгие (*Lietuvių kalbos tarmės* 1970, 392—394).

5. Гласный *e* (<*en*) может изменяться, становиться *i*, особенно в абсолютном конце имен: *Pelekĩ „Peleke“, manĩ, Dũrkšti, Brāslavi, Digutĩ'n'a., (v)úndin'a*.

6. Как и в других восточных диалектах, бывшие „носовые“ *q, ę* и дифтонги *an, am, en, em* переходят в *u, i, un, um, in, im*: *kũ 'ka', inkũs 'ikąs', žu.s'ālis 'žąselis', švĩzdava 'švėsđavo', švĩnti. 'šventę, ažąugi.s 'užaугęs', manĩ.s 'manęs', š'ũndie 'šiandien', brũngu.s 'brangũs', glũmži.tie 'glamžyti', lingvėsn'a. 'lengvesnio', žĩntas 'žentas', gi.vĩnt 'gyventi' и т.д.*

7. В ряде случаев *č, dž, a* иногда и *t, d* (перед *i*) превращаются в *c, dz*: (*svec' ai 'svečiai, šalc' u 'šalčiu, valdz' a 'valdžia, gaudz' au 'gaudžiau, Vidz' uos 'Vidžiuose, kietũci 'kietuti, s'ėdzi 'sėdi*). Как и в соседних уолягенском и особенно в даугавпилском литовских диалектах согласные *t, d* чаще всего не изменяются, ср.: *patĩ, Degutĩnis, diedũtis, vadĩnas, didz' ausi 'didžiausi*.

8. Согласные *l, s* перед гласными *e, ė, a, r, š, ž* и перед *i* могут отвердевать, а сами гласные в таком случае превращаются соответственно в *ε, a, ы*: *saulāla 'sauelė, žó.lė.s 'žolės, sānei 'seniai, pũsasara.s 'pusseđerės, praũsasi 'prausiasi, Us'ani.sā 'Ušionyse, pris'ėsi 'prisėsi, šaš'ũs 'šešis, mašĩna.s 'mašinos, važavaĩ 'važiavai, važũot 'važiuoti, žėdnój 'žėdnoje, žĩrgu 'žirgą. Согласные r, š, ž и особенно b, n, t, z отвердевают реже, ср.: bėda 'bėda, dektĩna.s 'degtinės, Šaltān'a.m 'Šalteniams, Puz'ėnai 'Puzėnai*.

Скорее всего под влиянием белорусского (и польского) языков, где не различаются твердый и мягкий *r* (к примеру, блр. *pad* — рус. 'рад' и 'ряд'), в исследуемом говоре *r* часто твердый: *vakare'l'us 'vakarėliũs, ž'urrũ, bāre 'barė, dar'ĩr's'u, tur'ėsim*; колебания *r-r'* наблюдаются очень часто в речи одного и того же носителя говора в одних и тех же словах, что свидетельствует о происходящем отвердении этого согласного в настоящее время. Этот звук чаще всего не подвергается межслоговой ассимиляции: *bern'ũkai, pĩrmininke*. Влиянием упомянутых языков, а также русского языка можно объяснить и отвердение *ž*: *paž'ĩrsta, atvažũoja, in daržĩli*. В целом *š, ž* перед гласными переднего ряда в данном говоре акустически воспринимаются как более твердые, чем в литовском литературном языке. Звук *č*, твердый в белорусском и польском языках, в говоре опсовских литовцев встречается редко. Конечный *l* в словах *dėl', vėl', atgal', gal'* в говоре мягкий. В сочетании *lb + ė* согласный

l — твердый, под его влиянием и *b* в восточнолитовских диалектах депалатализируется: *kalbė't', kalbė'jau*.

В окончаниях инфинитива конечный *i* редуцируется (*-ti > t'*): *p'r'is(i)m'in't', vėl'g'it'*; при некотором ослаблении произношения *t'* мягкость на слух исчезает, взамен слышится очень слабая аспирация.

Встречается оглушение звонкого согласного между гласными: *ušąga.m 'užaugome'*.

Ударение (гравис) на кратких гласных преимущественно имеют односложные слова *kàp, tēp, àš, būs, jām*, окончания им. п. ед. ч. *u-* основы (*su'nūs, gražūs*), вин. п. мн. ч. (*vaikūs, vainikūs, visūs*), в ряде открытых конечных слогов на *-i, -u* (*gar'di, penki, maži, gražū, sunkū, gi.venū*), а также слова *tadà, kadà*. В других случаях гласные часто удлиняются до полудолгих.

Циркумфлекс чаще всего употребляется тогда, когда слова в речи произносятся с определенной эмфазой (*sā'nas, chvā'ras, gē'ras*), в особенности в окончаниях на *-ai* (*laikaĩ, vaikaĩ, tai*, в частице *jaũ*), а также у сонорных *r, l, m, n* в закрытой позиции: *kuř, iř, vilkas, numiřti*⁶. Акут употребляется чаще всего в словах, которые произносятся во фразах с понижением интонации или логическим ударением: *trú'dna pris(i)m'in't'*. Иногда границы между акутом и циркумфлексом размыты.

Наблюдаются несистематические и непоследовательные переносы ударения, чаще всего на предшествующие слоги: *sū'nus 'sūnūs, žmō'gus 'žmogūs, su māmā 'su mamà, sveiki 'sveiki, ark'l'ais 'arkliais, žolė'mis žolėmis, 'suñku'sunkū, negál'u 'negaliù, (j)l'ra 'yrà, ápi 'apiė*. В отличие от литовского литературного языка, некоторые слова имеют ударные окончания: *lietuvi's 'lietuvis (lietuv'ai, lietuv'ūr и т. д.), bra.l'is 'brolis* и т. д.

Наличие в речи носителей данного говора слоговых акцентов, дифтонгов, взрывного [g] и ассимиляции по мягкости (*netur't'ingai, nes'v'eikas*) убедительно говорит об их литовском этническо-языковом происхождении и отличии от речи других жителей района, когда они в общении пользуются местным вариантом русского разговорного языка.

За сравнительно короткое историческое время рассматриваемый говор претерпел огромные изменения, подвергнувшись большому влиянию белорусской речи, польского, русского, а также литовского литературного языков.

Фонетическое описание оповского говора сопряжено с определенными трудностями. На его отдельных носителей влияние других языков сказалось в разной степени, поэтому даже в произношении членов одной семьи наблюдаются некоторые колебания. Напр., одни в безударной позиции *o* произносят как в литературном языке, другие — почти как *a*: *bú.vo* и *bú.va, dirbo* и *dirba 'dirbo*. Колебания отмечаются даже в речи одного и того же носителя говора: *vakarė'l'us / vakarė:l'us, kal'b'ė'jau / kalbė'jau, su'nūs / sū'nus* (им. п. ед. ч.), *aukštė|aukšti* и т. п. По-видимому, под влиянием славянских языков гласный *e* некоторыми лицами произносится как *ie*: *niė 'ne, miės 'mes, diebie-s'ālis 'debesėlis, biegr'āb'ant 'begrėbiant*.

Очень часто бывает трудно с достаточной точностью определить долготу гласных, поскольку живая речь не может вестись монотонно и количественные различия гласных наблюдаются в речи одного и того же носителя в одной и той же позиции, но зависят от темпа, эмфазы, а также от манеры речи. Поэтому во многих случаях, в особенности в безударной позиции, долготу

⁶ Данный акцент имеют сонорные и в русском языке, когда слово произносится с вопротительного-восклицательной интонацией: Он вѣнграл „Вѣлгу“. „Вѣлгу“?! Это там?!

гласных следует воспринимать условно или вариабельно. Точно также и слоговые акценты (интонации) во многом зависят от эмоциональной окраски речи или фразовой интонации. В говоре может отсутствовать фонологическое и даже фонетическое различие между акутом и циркумфлексом, что обозначается в текстах знаком „^s“ над гласными буквами.

2. Морфология

Среди морфологических архаизмов обращает на себя внимание обширное употребление восточнолитовского иллотива единственного числа, образуемого от существительных различных основ (*Lydōn, Lietuvōn; Apsaņ, miškaņ; jaunimēlin, sa.dēlin; turguņ, Vilniun*), от старых и новых заимствованных существительных: *ārmijon, galiōrkon, Kaliningrādan, klūban, selsaviētan*. Во множественном числе *o*-основы в этом значении употребляются три форманта: *(i)uosna, (i)uosan, (i)uosun*: *Bikauskuōsna, Pelekuōsna, Jūdialenasan, Švenčianēliuosan, Šalakundziūōsna / Šalakundziūōsun*. В редких случаях иллотив используется в функции инессива (*jis mokēsi in ēlektrika Polackan*), а также формант *-ana* в единственном числе (*nuvē sviētana*).

У имен существительных V склонения в номинативе множественного числа данного говора сохраняется окончание *-es*: *(dvi) sēsaras < sēseres 'seserys', (dvi) dūkteras < dūkteres 'dukterys'* (в литературном языке, как известно, окончания возникли под влиянием *i*-основы). То же наблюдается и в окончаниях генетива единственного числа. Изменение *e > a* связано с отверждением согласного *r*.

Местоимение *katrās* здесь часто имеет полную форму: *katarās, katarōn; katrās* окказионально используется вместо формы *kuris*.

Личные местоимения 3 лица в номинативе имеют следующие формы: *ānas (anās) 'jis', anā 'ji', ānys 'jiē', ānos 'jos'*; при нормативных формах в косвенных падежах употребляются *jū, jān* и т. п.

Формы числительных на *-десять* сохраняют старые окончания: *dēšimts 'dešimt', dvidešimts 'dvidešimt'* и т. д.

Как и в даугавпилском, частично и в уолягенском литовских диалектах, в именительном падеже имен прилагательных множественного числа вместо окончания *-i* используется *-ūs (jāunūs, nemāžūs, tūnkūs)*, в инфинитиве — форманты *-tie (> -tia), -tei*: *nuvēitie, manýtia, māuditia.s, mokitia.s, niūktia.; ma.kētei* (Домаши).

Единственное число повелительного наклонения часто образуется без *-k* с помощью окончания *-ai* (в *o*-основе) и *j* (или без него), т. е. используется полное или сокращенное окончания 2 лица единственного числа настоящего времени: *atidārai, dārai, pasākai; atvažiūoj, padainūoj; naktūj; nespjau, nēš*. Во множественном числе еще добавляется формант *-me* (1 лицо) и *-te (-tie)* (2 лицо): *stātāime, vālgāite, dabāitie*. Выделяется и сослагательное наклонение (*palais-tōj 'paléisčiau'*), формы *po gūlintum 'po gulinčiu', sū visui 'su visai'*. Конец глаго-

лов прошедшего времени обычно на слог сокращается: *atvažiáu* 'atvažiavo', *dáu* 'dávė', *nuvė* | *nuvėja*. 'nuėjo', *ataininiẽ* ~ *ateininẽjo* 'atėjinėjo', *niaturė* 'neturėjo', *nutekėj*, *negiedō* 'negiedójo', *nešiō*, *važiō*.

3. Словообразование, лексика

В словообразовании употребляются приставки *ai(si)-*, *ata-*, *až-*; *(a)žu-*, *in-*, *iš-*, *nu-*, *pa-*, *pad-*, *raz-*, *už-*, суффиксы *-ėlis*, *-ėnti*, *-ýkštis*, *-inėti*, *-inis*, *-ūitie*, *-ūtis*, *-ė*, ср.: *aisidárbi.t* 'užsidirbti', *aisirėngi.s* 'apsirengęs', *ataduosu* 'atiduosiu', *atāmianu*, *atāsuntia.*, *atatiakėjus*, *ažmiršau*, *ažlaidia.*, *ažniu.kinieja.*, *ažugava.s* ~ *ažugavos* 'užgavėnės', *ažūrave.*, *ažupýla.*, *žūjimt.a* 'užimta', *inbede.* 'įbedė', *indieja.*, *insviėdie*, *išpuola.* 'užpuolė', *nucharakterizáva.* 'charakterizavo', *pāmira.* 'numirė', *pamiàs*, *padėjus* 'priėjus', *razmaišýt* 'išmaišyti', *rastūsa*, *ušsiřga.* 'susirgo'; *Ciunėlis*, *kumeliakėlis*, *pušyniāli.*, *ragutiāliu*, *tiltālis*, *džiaviāna* 'džiovino', *dabarýkščiai*, *Braslavinia.* 'Breslaujos (parapija)', *Pelekīnia.s*, *skrudėlinis*, *naktūtia.* | *naktavót*, *budūja.*, *kruopeliūti*.

Внутри слова иногда добавляются гласные между согласными, а иногда — пропускаются (особенно в глаголах): *Aliksnis*, *apikulam*, *dūonakepe.*, *jūodažemis*, *raudanagaľviai* (grybai) *vienamiāte.s*; *aĩsma*, *gi.vĩnsme*, *nezgĩrdis*, *praskėikiau*, *Jūod(ia)lėnuos*.

Среди литовской диалектной лексики можно указать следующие слова⁷: *aprimestis* 'apynasris', *ažušniōkti* 'užšniokti (lietui)', *bradinỹs* 'tinklas', *dáiktas* 'vieta' (*tan dáiktan perūnas kap dāve.*), *dabóti* 'žiūrėti' (*dabója in kėltavu*), *dangtỹs* 'stogas' (*ar duñkti pataisýt?*), *grỹnas*, -à 'plikas' (*griebiau grỹna.m ruñka.m i apšaldziau*), *griaūzmas* 'griaustinis' (*graudžia groūzmas*), *kárti* 'kabinti (drabužius ir t. t.)', *kėltava* 'galvijas', *kitaipō* 'kitaip', *kruopėlė* 'truputis' (*ir kruopelýtė, kruopeliūtė: ma.kieja. kruopiāly niūkti*), *kūčiā* (*kūciu suvėlgei?*), *kvaĩlas*, -à 'prastas' (*sveikatā kvaĩla*), *lākštas* 'lapas', *landytūvė* 'kibiras su snapu pienui melžti', *lapatūoti* 'kalbėti' (*Paulinā niūkia.*, *Ad ėlka lapatāva; su vienóm, su kitóm palapatuosiu, palapatuosiu*), *máigyti* 'spausti (daryti)' (*pienu šildia.m, sūrius máigia.m*), *mýgti* 'spausti' (*nasýlai išmýga kūpru*), *naudā* 'javai', *niūksmas* 'kalba', *niūkti* 'kalbėti', *pagaišėnti* 'pamesti' (*pagaišienaū dukumentu.*), *paklotūvė* 'paklodė', *pasiūgėti* 'paaugti', *perūnas* 'perkūnas', *prijuñkęs* 'pripratęs', *pušalōtas* 'toks grybas', *salā* 'kaimas' (*visā salā niūkia. lietūviškai*), *skrėgždės* 'kregždės', *skrudėlė* 'skruzdėlė', *stóvai* 'staklės', *tiesióji* 'dešinioji (ranka)', *visaipō* 'visaip'.

Под влиянием славянских языков расширены значения некоторых литовских слов: *pažįstam* (= mokam) *lietūviškai*, *vakarėlius stāte.m* (= guošėm) и т. д. В диалекте известны славизмы (*v*)*āli.cia* 'kaimas', *ūtura.* 'kalba' и др. Много новых славизмов, основная масса которых связана с заимствованиями терминов более или менее новых реалий (как и в других литовских периферийных диалектах, для которых литературный язык малоизвестен). Это прежде все-

⁷ По 5 слов приводится из работы А. Вишняускайте (1956) и собраний фольклорных экспедиций (1972), хранимых в Институте литовского языка и литературы.

го названия профессий: *predsėdātėlius* 'pirmininkas', *šafiōras* 'vairuotojas', причем в конструкциях 'работать кем-либо' они употребляются с литовскими окончаниями: (*dirba*) *prarābu* 'darbą vykdytoju', *ščiōtavōdu* 'sąskaitininku', *svārščiku* 'suvirintoju'; названия лиц, реалий и предметов *jedinalỹčnikas*, *kolchōzas*, *chūtoras*, *nasōsas*, *rubēžas* 'siena', *svētras* 'megztukas', *dvuchspāl'naja* 'dvivietė (lova)', *učastnik vainy* 'karo dalyvis', *sōtka* 'aras'; музыкальных инструментов: *harmōška* 'armonika', *skripkā* 'smuikas'; фруктов, овощей, ягод: *klūbnikas* 'braškės', *cibūliai* 'svogūnai', *malýna.s* 'avietės', *mārkva.s* 'morkos', *fa-sōliai* 'pupelės', *grūšia.s* 'kriaušės'. К заимствованиям относятся и такие прилагательные как *bėdnas* 'vargšas', *bagōtas* 'turtingas' (ср. степень — *bednesni*, *bagotesni*), *šikārna* 'prabangi', слова *pryniata* 'priimta', *padkōrmka*, *vnūkas* 'anūkas' и др. Очень высокую частотность имеет употребление слова *mōžna* 'galima': *mōžna gyvint*, *mōžna dirbt* и т. п.

4. Ономастика

Анализ названий⁸ деревень западной части Браславского р-на показывает, что большинство их между Плюссами и Видзами имеет балтийское (литовское) происхождение. Названия деревень Плюсского, Дрисвятского, Видзовского сельсоветов с этой точки зрения не отличаются от названий деревень Зарачского, Опсовского, Далекского и других сельсоветов, в которых литовский язык сохранился до сих пор. Следовательно, переход на белорусский язык в первых сельсоветах не является древним. Приведем некоторые названия литовского происхождения.

Плюсский с/с: Адамишки, Боровикишки, Боруны, Дудели, Матюлишки Луки, Нарейкишки, Равтишки, Шведы;

Межанский с/с: Белусишки, Белюнишки, Бучаны, Вяжи, Жвирино, Кишкелишки, Козяны, Межаны, Петришки, Якиты;

Дрисвятский с/с: Бартелишки, Войникишки, Войкелюны, Возгеляны, Едогали, Мелюны, Оболяны, Руди;

Зарачский с/с: Бужаны, Беляны, Боярунишки, Жвирбли, Майшули, Плявешкеты, Раткуны, Усяны, Ютишки;

Опсовский с/с: Адымянишки, Белусишки, Грейтюнишки, Даубли, Дукели, Жвирбли, Кумпини, Купчели, Медынки, Опса, Петкунишки, Пукиня, Римуты, Снеги, Шаркишки, Шалтени, Янули;

Далекский с/с: Бальтишки, Балундишки, Богдюны, Войнюны, Даржели, Дауборы, Журнелишки, Наруты, Оболикисты, Шалакунди, Ютишки;

Видзовский с/с: Ашкараги, Белюнишки, Битены, Блажунцы, Вайнюны, Вербунцы, Видишки, Жвирблишки, Жвирина, Жигуты, Кирмелишки, Крумли, Кякиты, Лайбунцы, Мешкели, Милонцы, Мушкли, Обали, Пакульня, Подрукиша, Ромулишки, Скрабели, Снегишки, Стунжишки, Тракишки, Трибутишки, Маркишки, Шликишта, Эймяны и т. д.

⁸ Русские соответствия названий, во многом уже искаженные, приводятся из похождений книг. Многие соответствующие литовские названия даны на карте.

Названия местностей имеют суффиксы литовского происхождения *-аны* (*-яны*), *-ели*, *-ини*, *-ишки*, *-ули*, *-уны*, *-ути*, *-юнцы*. Как и в других районах Белоруссии, литовский согласный *c'* (<č') перед мягкими гласными под влиянием русского языка превращается в *т* (*Грейтюнишки*), аффриката *dz'* (< dž') — в *д* (*Богдюны*). В официальных белорусских и русских названиях этих местностей выдерживается литовская диалектная фонетика, в частности восточно-литовский дифтонг *ип*, происходящий от литературного соответствия *ап*: *Балундишки*, *Кумпини*, *Шалакунди* (= *Баландишки*, *Кампини*, *Шалаканди* и т. п.). Многие названия происходят от литовских общеупотребительных слов, напр.: *Даржели* (ср.: *darželis* 'цветник, огорожок'), *Дудели* (*dūdėlė* 'свирель'), *Жвирбли* (*žvirblis* 'воробей'), *Жирнелишки* (*žirnėlis* 'горошина'), *Крумпли* (*kruimpliai* 'зубца'), *Кякшты* (*kėkštas* 'сойка'), *Лайбунцы* (*laibas* 'тонкий'), *Мешкели* (*meškėlės* 'медвежонки'), *Мушикли* (*mušikliai* 'забияки'), *Обали* (*obuoliai* 'яблочки'), *Плявишкеты* (*pliaušketi* 'щелкать'), *Пакульня* (*pačiuinė* 'место около пятки, каблук'), *Пукиня* (*pūkinė* 'пуховик'), *Тракишки* (*trākas* 'поляна'), *Усяны* (*ūsas* 'ус'), *Шаркишки* (*šārka* 'сорока'), *Шалтени* (*šaltėnis* 'мерзляк (родник)'), *Шликишта* (*šlykštūs* 'отвратительный') и т. д. В Опсовском сельсовете из 44 названий они бесспорно составляют более половины, в Зараченском сельсовете — из 43 названий таких 27 (славянское происхождение, в некоторых случаях, по-видимому, недавнее, имеют *Вербовка*, *Гусаровщина*, *Ельно*, *Зарачье*, *Запрудье*, *Злото*, *Зыбки*, *Красносельцы*, *Надбережье*, *Осиновка*, *Пустошка* и др.). Деревни, названия которых по форме являются славянскими (напр., *Заборники*), издавна тоже могут быть заселены литовцами.

В восточных окрестностях ойконимы литовского происхождения встречаются значительно реже: *Кумша*, *Милаши*, *Петкуны* (Иказньский с/с), *Жеймяны*, *Милонцы*, *Петкунцы* (Слободковский с/с) и т. д.

Большинство местных микротопонимов также имеет литовское происхождение. Только в 8 деревнях Опсовской округи их было зафиксировано 128 (Grinaveckienė 1959, 186—189). К ним можно добавить следующие названия лугов, полей и т. д. (сначала дается литературная форма, далее в скобках — более отличающаяся от нее диалектная), дер. Пабяржи⁹: *Daubliā* (оз.), *Gūdakarklė* (*Gūdakarkla*), *Įduobis* (*Įnduobis*), *Kártuvės*, *Kélninė*, *Kemsỹnė* (*Kim-sỹnia.*), *Kriðkinis* (*Krākinis*, оз.), *Óbuolis* (оз.), *Ožia*(*Ežio*)-*nugārė* (*Ažianugāria.*), *Pābalos*, *Pavėrsminis*, *Samānis* (оз.), *Šilėlė* (*Šilālia*), *Várlinė*, *Vilkāplaukis*, *Vinkšnā* (*Viñkšna*);

дер. Юраны: *Asālyčia*, *Bedūgnis* (оз.), *Beržynėlis*, *Dobilinė*, *Palšėpinė*, *Stervelis* (оз.), *Šaltāžemė*, *Uodegā*;

дер. Заборники: *Asiūklinė* (*Asiuklīne*), *Áukštas kalnėlis*, *Įšdagas* (*Įždagas*), *Júodas kėlmas*, *Levðnikas*, *Molinė* (*Malīne*, *kálnas*), *Paraistỹs*, *Piliakalnis* | *Piliakal-nė*, *Prūdas*, *Ratāmiškis*, *Smūčkā* (*Smūčka*), *Šarkėlius* (*Šarkėlius*), *Vėlėklė* (*Vėlėkla*), *Velniākalnis*;

⁹ Топонимы деревень Пабяржи и Юраны в 1972 г. записала Д.Юзелонайте.

дер. Шалакунди: Beržynėliai (*Beržiniālei*), Dārymai (*Dárimai*), Dirvónai (*miškas*), Krūmynė (*Krumýnia.*), Liulynė (*Lilýnia.*), Pabalys, Pabartis (*kálnas*), Pálukšnė (*Pálukšnia.*), Po pušė (*Pa puši*), Paralynė (*Paralýnia.*), Šniūrai, Vartėlis (*Vartiālis*), Vidūgiris (*Vidūgiris*), Žvyras;

дер. Милонцы: Ažuklainė, Ažuravė, Elžbietos kálnas (*Ažbieta's kálnas*), Chvaliābalis, Įdagas (*Įdagas*), Lūkšiškė (*Lūkšiškia.*), Melnyčiāvietė (*Melničiāvieta.*), Pelėkas¹⁰, Piliakalnis, Rūkšiškė (*Rūkšiškia.*), Samānijos, Vėversio kálnas.

Не только названия деревень, но и почти все первоначальные фамилии литовцев в паспорте и в других документах значительно искажены, славянизированы (пропускается окончание *-ис*, суффикс *-ене*, изменяются гласные и т. д.). В славянизации фамилий была заинтересована еще польская буржуазная администрация: напр., *Жямайтису* предлагали переделать свою фамилию в *Жемайко* или *Жамжа*. В разговоре большинство мужчин называют свою фамилию с окончанием *-с*. Большинство замужних женщин произносят свою фамилию с характерным литовским суффиксом *-ене*. Однако и в славянизированном виде фамилии указывают на их балтийское (литовское) происхождение: *Бальс*, *Вайкуть*, *Валейка*, *Ванагас*, *Варнель*, *Гарон*, *Гасюль*, *Гедюн*, *Гетовт*, *Жусель*, *Йоч*, *Кривель*, *Кумпинь*, *Лейша*, *Лукаша*, *Мажвило*, *Мантуль*, *Маткуль*, *Нарель*, *Папакуль*, *Петкун*, *Пинчур*, *Протас*, *Пуйша*, *Рагель*, *Ракель*, *Рагинь*, *Рудь*, *Ционель*, *Чепуль*, *Шукель* и т. д.

В 1979 г. в г. Браславе записано 20 лиц литовской национальности, среди которых 8 родным считали язык своей национальности, а 12 — русский язык. Однако фамилий балтийского происхождения в г. Браславе более 50: *Аболикшта*, *Белюн*, *Варно*, *Валейко*, *Гасюль*, *Гирса*, *Гродь*, *Гудель*, *Жвирбля*, *Жусель*, *Койро*, *Лабуть*, *Мачуль*, *Петкун* (более 12), *Пупир*, *Пупень*, *Сталаускас*, *Шакель* и т. д. На польском языке литовские фамилии славянизировались подобным образом: *Auksztol*, *Bielus*, *Ciunel*, *Mikszta*, *Pietkun*, *Szachel*, *Virszuto* (Опсовское кладбище). Имена литовцев в Белоруссии в документах пишутся как славянские: *Jōnas* — Иван, *Kazimieras* — Казимир, *Onā* — Анна, *Pētras* — Петр и т. д.

5. Синтаксис

Числительные, указывающие время (годы, часы и др.), обычно употребляются в форме предложного падежа (по модели славянских языков): *išvažiavai pinkiasdešimt devintuōs; gimiai trisdešimtuōs mėtuos; atāja. untrōj adynojo*. Предлоги *lig, po, prie* употребляются с дательным падежом: *lig kārui, pa. kārui, pa. tiesajai, prie kėliui, prie Zarasām*. Широко употребляется восточнолитовский предлог *par* (наряду с возникающим под влиянием литературного языка *pas*): *par manį, par mūs* и т. п.

Во фразах нередко употребляются конструкции, построенные по образцу белорусского или русского языка. Это наблюдается и в речи тех лиц, для ко-

¹⁰Название данной деревни чаще произносится в форме множественного числа: *Pelekaĩ, Pelekū ..., Pelekuosė (Pelekuōs)*.

торых литовский язык до настоящего времени является языком общения в домашней обстановке: *priguleja. m prie draugija.s* 'priklausem draugijai', *in svieta.* 'pasaulyje', *tarp savi* 'tarpusavyje', *in vyru* 'pas vyra', *daugiaū už kitus* 'daugiau negu kiti', *māna vyras biški gerėsnis kap jōs* 'mano vyras truputį geresnis negu (už) jos', *vienas in kitų bārsi* 'vienas su kitu barasi', *reikė būvo, reikėjo būvo + inf* = *reikėjo + inf.* (*raikia būva jiūt in visų pinigų* 'reikėjo imti už visus pinigus'), *negėrk, bra.lālis* (= broleli), *Vilnius* (= Vilniaus) *dabař nepažint, a māna tu vi.rāli* (= vyreli).

III. ТЕКСТЫ

Едловичи (Júodelėnai)

aš viēna pati sau padūma.ju, kap l'etūviškai n'ū'k'a.m | par mām sasuō p'al'a-kuōs nutekėjus | a brōlis jī'r tikrasei, gi'v'ā'na deleki | sāva k'āltava.s bū'dava. | basi | kōjas sōpa | a t'ēvai pāmira., aš atejaū jūod'alenasan | aš vī.sa atām'anū | jum intirēsna, kur sā'nas bōba.s lietū.viškai n'ū'k'a | ē'anai jī'r miškas, dā'rai | melī'n'u, girtuōkl'u būva. | raik'a m'aĩgai praysrūnkt, i vuogi.naņ, i gri.binaņ | būva. baravī'kai, pušalōtai, raudanagaļv'ai, starež'āla.s | kietū.ci | kār'v'a.s, žū-sis, vī.štu. turėjam, k'aulās pjāust'a.m | rug'ūs pjōv'a.m pā'ti's, niēka. n'apiřka.m | i dabař sedinam i aguřkus, i bұл'bas | māna t'ēvas lietūvis, rōdom bikauskuōs | to-tā bikoūskinis | nā'rys lietūviškai pasn'ū'kt — niēr su kuōm | už'āja vainē, mēs pa bilarūsku negāl'am susn'ū'kt | lig kāra lietūviškai | a(š) š'uñdie prisin'uk'au lietūviškai, tai net lingv'au un dū's'a.s | gimtinis l'ēž'ūvis | až'āja saviētas, nibūva lietūv'u. | aš kap nuveinū sāva rōdzinan bikauskuōsna, tai m'as pān'uk'am | ot aš buvaū kaštālīna.j, tai vis ataininīe iš litvōs | nū, bābut, padainuōj | anī's dī'vijas, kap tu mōki, kap neužmiršai | niēkap negal'ū aži'miřt sā.va. gimtīn'a. l'ēž'ūv'a. | n'amōku aš pāsaku, ne interesujaūs | aš n'ū'kt'a., ž'agnōt'a.s ma.kėjau lietūviškai | san'aū naūku sāk'a. lietūviškai, i spāviedin āja.m | aš likaū vienā, raik'a su vaikaīs gi'vint | pīeva.s viřšupis, ažiūbalis, pālauk'a.s, až'arai bōlty prie šaltān'a.m, beržōnka, paštinis, dīdisei prie brāslavei, druv'ātas, bōhinskās |

Вайтанец, род. в 1908 г.

Домаши (Domšiai)

ale do i š'uñdie t'ap pragalvōjau pra. liētuvu. | aš važiniejau lietuvōn južantuōsna in ā.rkl'a | kumiāly g'āru turiejau | nūv'azu d'agūta ratūs t'āpt, a iš t'ā parsivežu naudōs | vil'n'us balā būva, balū ir jī'r | tep kalbū, a tinai visa rā.ša? | mer'g'ōties būva. i(š) šaul'ūr atvaž'āvi. | gal' dvi, gal' trīs naktis naktūja. | duktiē gi'v'āna. | būva. dektīn'a.s par mām' | aš kruopel'ūti sāu, ir jóm pa čierk'āly | a gi lietuvā par mūs būva ašta.n'a.lik'uos m'ātuos, karaiv'ai staviēja. | rub'āž'us būva dvi'lika kilō-mētru miškuōsna | kur ānies pasdīēja., i neži'na.m | aš gi praskėik'au prie lenkū, man' gi ž'ām'as n'apardavinīēja. ažu šitai, ku' narī's švinta. kazimiera. draugija.s buvaū | prie lenkijai tāva visa pīgu, nuveitie krātuve.n — brūngu | raik'a ma.kē-

tei pardāvus | ōi tur éjau g'arū žma'n'ū l'atuvōj | tai kai tikrī brólei | man' iš kâū-
na duñki va dâ.v'a. | atâja turistu par mân' | aš žmāgus ta.kis, aš butieuku un stâla.
| pagalvau, raik'a priimt kap raik'a, lietuvī's | diēde, ka.kis tu žmāgus, kuom tau
pamāči't? | par mân' duñkc'a. n'abūva. | kataràs pardavinieja., sâka, ka sâva ras-
pūblikan, palaistoj | ānies atās'unt'a. uc'anón | du šimtūs saptī'n'azd'ašimts lāpu.
| sakaū, raik'a būva jiñt in visū pinigū | pamā'nija.m | miškañ būva.m nuv'āji |
pagaišienau dakūmentus | anupr'ālis nuvaž'āva rōkiškin in pāmaldū. in ri'tójaus | ažu
daržiniēs ir darbilaī | kalaī invež'a.m, pājem'a. kār'v'a. apkaliečija. kum'āly. | č'a
nat(ō)lī | ir tēp kiēta, ir šitep kiēta, ir vīsap blōga |

Кривель Викентий, род. в 1906 г.

Дварчини (Dvárčionys, Dvárčiniai)

ō'ras būva gr(ā).žūs, ne dabarī-kšti.s | sanám jau žmō'gui niēkur n'agražū | bú-
dava miškan gi váikšč'a.jam, vūoga.sna | ir grī'bai labaī áuga par mūs puši.n'āli.
n'at(ō)lī | ale dabař pērstarja. ká.rv'as ganī't, va ir grī'bu n'ēr | bú'dava. kai nuei-
s'(i), tai vis karzinkur atsi.nešam | grī'bai áuga. visō'ki, a dabař niēka. nēra |
ažáuga. žō'ly | n'amī.nda. niēkas, ir grī'bai n'áuga | ir vīra. gi, ir marinūja. tak
sāmo, slōvikuosna sudiedinēja. un žiemōs, ir dz'av'āna. | n'asmāudz'au aš nīgdi |
slabaī ir kitī máud'a.s | aīna máudi.t'a.s pa jōnini | dabar atō na dārba, tik
paaz'arēn |

Вансович Саломея Тадеушевна, род. в 1912 г.

Мисянцы (Misos)

kaimī'nist'ai būva g'āras drāūgas g'ātautas adó.l'fa | san'āli.s labaī geraī móki-
na. man' | ka(d) dek'tine.s negeřtum, n'aruki'tum | ā'nas dar ir tēp pā'sakadava. |
sāka. āš jau s'ā.nas, tai kad uš taviēs, aš gal'ēč'au ir numiř't' jau | aš jau pragi.v'ā-
nis, a tā'va. vaikaī mažbi | ir ma.tiējus dabař gí'vas, san'ali.s | ā.le aš vis tiek jō da-
bōju | ānas jau vienas liki.s | tai pādidu kas jam raik'a | t'ėvai n'agalēja. mūs mó-
kint, gi.v'āna. netur'tingai | dārba. iš mōksla. nebūva., tai t'ėvai šita. negab'ēja. |
a pask'au aš kap pradėjau turēt bitis, tai aš skaitī't išmōkau lietū.viškai jau dē.l šitōs
bitini(n)kī'ste.s pats par savi |

Ракель Юргис, род. в 1912 г.

Адымьянишки (Adomėniškė)

Tekėjo saulala per debeselį,
Vai tai, vai tai, per debeselį,
Vai tai tai, vai tai, per debeselį.

Joja [ėjo] bernelis per pušynėlį,
Vai tai, vai tai, per pušynėlį,
Vai tai tai, vai tai, per pušynėlį.

*Jaunaja [jaunoji] mergele liūdnai rymoja,
Vai tai, vai tai, liūdnai rymoja,
Vai tai tai, vai tai, liūdnai rymoja.*

*Jaunajis bernelis pasidabojo,
Vai tai, vai tai, pasidabojo,
Vai tai tai, vai tai, pasidabojo.*

*Pasiuntė širdelė linelius rauti,
Vai tai, vai tai, linelius rauti,
Vai tai tai, vai tai, linelius rauti.*

*Ačiū, tau, berneli, kur jodinėji,
Vai tai, vai tai, kur jodinėji,
Vai tai tai, vai tai, kur jodinėji?*

*Pas tava tėvelį valgiau ir gėrau,
Vai tai, vai tai, valgiau ir gėrau,
Vai tai tai, vai tai, valgiau ir gėrau.*

*Man tavi tėvelis jau pažadėjo,
Vai tai, vai tai, jau pažadėjo,
Vai tai tai, vai tai, jau pažadėjo.*

*Įš jauna panele dar netekėsiu,
Vai tai, vai tai, dar netekėsiu,
Vai tai tai, vai tai, dar netekėsiu.*

*Aš jaunas bernelis tavi neimsiu,
Vai tai, vai tai, tavi neimsiu,
Vai tai tai, vai tai, tavi neimsiu.*

Жусалис Миколас, род. в 1912 г.

Рожево (Rožavà)

*Sejau rūtu, sejau metu,
Sejau lelijalų,
Sejau sava jaunas dienas
Kaip žalia rūtelė.*

2 × 2

*Dygsta rūta, dygsta meta,
Dygsta lelijalų,
Dygsta mana jaunas dienas
Kaip žalia rūtėla.*

2 × 2

Laisčiau rūtu, laisčiau metu,

Laisčiau lelijalų,

Laisčiau sava jaunąs dienas

Kaip žalia rūtelė.

2 × 2

Žydi rūta, žydi meta,

Žydi lelijalų,

Žydi mana jaunąs dienas

Kaip žalia rūtelė.

2 × 2

Džiūsta rūta, džiūsta meta,

Džiūsta lelijala,

Džiūsta mana jaunąs dienas

Kaip žalia rūtelė.

2 × 2

Йочене Фелиция, род. в 1918 г., Йочис Йонас, род. в 1912 г.

ЛИТЕРАТУРА

Гринблат М. Я. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 525—539.

Фортунатов Ф. Ф. Литовские народные песни, собранные Ф. Фортунатовым и Всеv. Миллером (предисловие). М., 1872.

Grinaveckienė E. Kai kurios Apso tarmės būdingesnės ypatybės // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. Serija A. 1960. T. 2(9). P. 173—191.

Lietuvių etnogenezė. V., 1987.

Lietuvių kalbos atlasas. Fonetika. V., 1982. T. 2.

Lietuvių kalbos tarmės (Chrestomatija). V., 1970.

Mūsų Vilnius. 1934—1936.

Viltis. 1908—1913.

Vyšniauskaitė A. Pas Baltarusijos TSR lietuvius. V., 1956 (Rankraštis: LTSR MA Istorijos institutas, Nr. 44).

Žiogas J. Archaiologiški tyrinėjimai Gaidės apylinkėje // Lietuvių tauta. V., 1909. Kn. 1. D. 3.